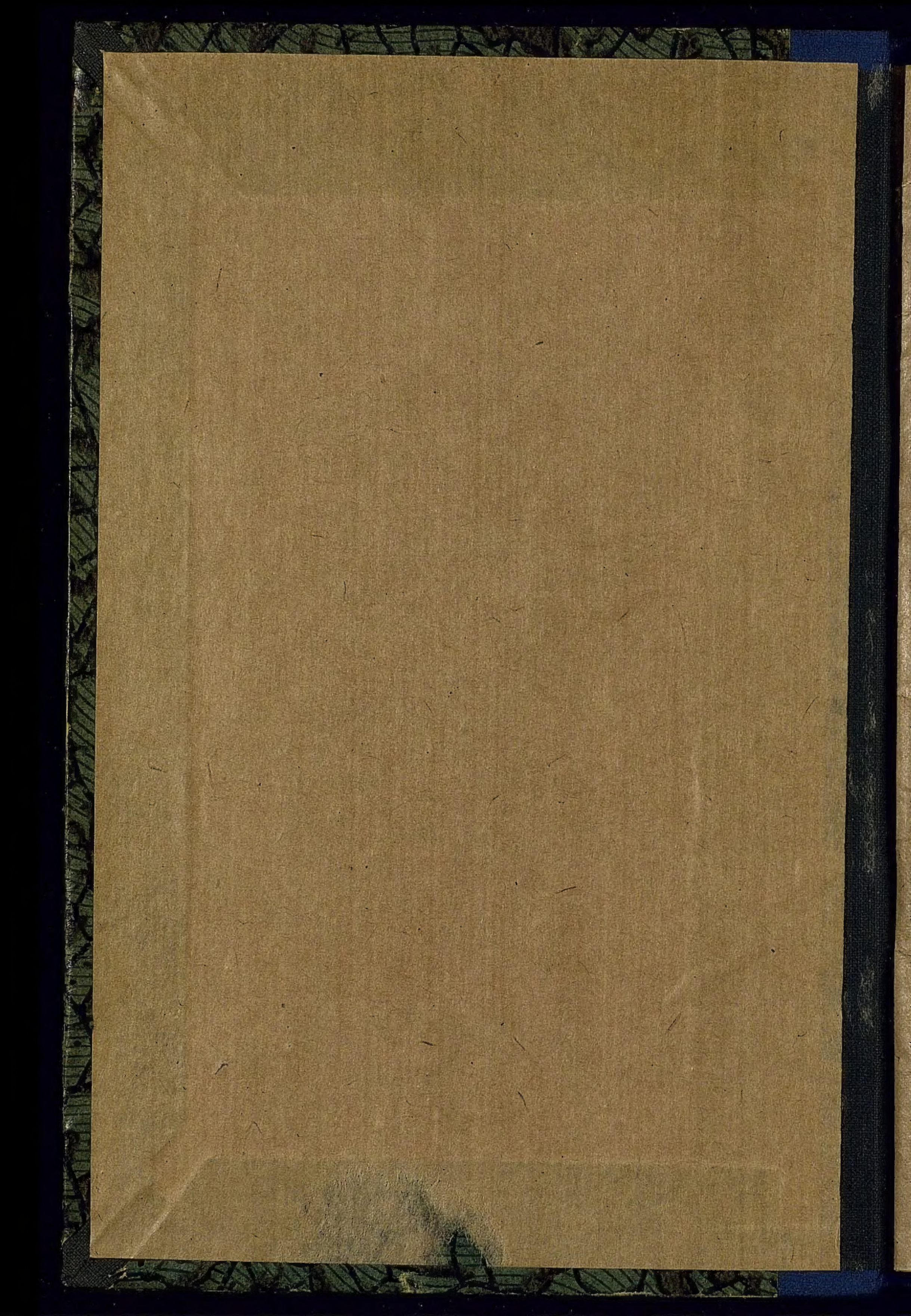
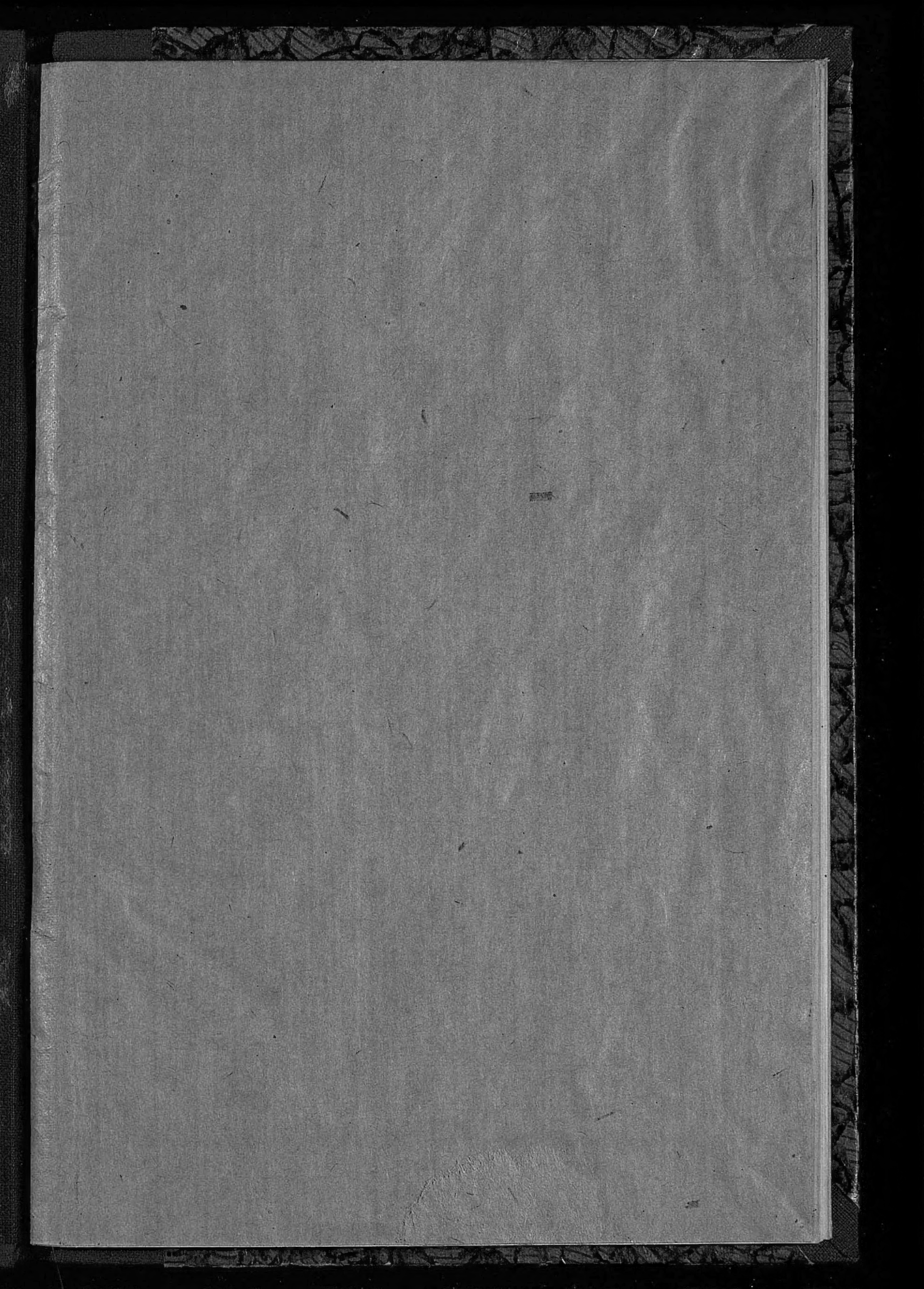
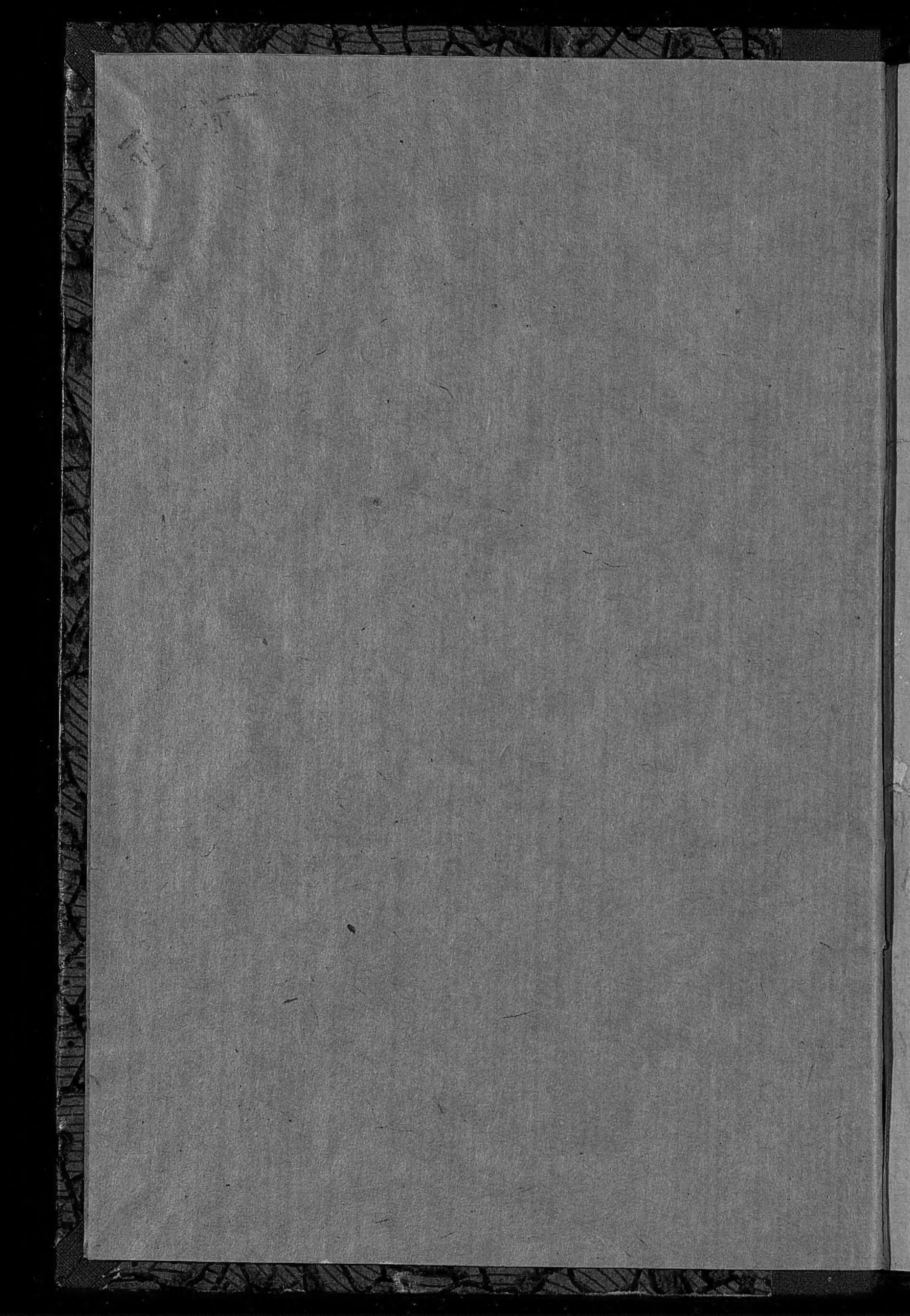

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ

КОСТРОМСКОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

КАКЪ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

Сост. Дорогобужиновъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЦѢНА 10 КОП.

МОСКВА.
Типографія Общества распространенія полезн. книгъ Моховая, д. Торлецкой.
1882.

Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ.

165. Цари Израильскіе. Съ 22-мя картинками. ц. 1 р.
166. Маленькій ветошникъ. ц. 5 к.
168. Разсказъ матери Маргариты. ц. 10 к.
169. Правдивый Петя. ц. 1 к.
170. Добрая жена, злая жена, дѣвочка со спичками, гречиха, дѣдушка и внучекъ и вечеръ на Рождество. ц. 5 к.
171. Молитвы въ стихахъ, былины и легенды. ц. 10 к.
172. Бѣдный Горбунъ. ц. 1 к.
173. Лилли или рубиновый крестикъ. ц 5 к.
174. Людвигъ фонъ-Бетховенъ. ц. 15 к.
175. Ничего, кромѣ листьевъ. ц. 2 к.
176. Заблудившіеся цыплята. ц. 3 к.
177. Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. ц. 3 к.
178. Ребенокъ-разнощикъ. ц. 2 к.
179. Антоніо Канова. ц. 15 к.
180. Петруша. Сказка Лабулэ. ц. 15 к.
181. Св. Павелъ Өивейскій. ц. 20 к.
182. Школьныя ступени. Съ 100 картинами. ц. 40 к.
183. Паганини. ц. 15 к.
184. Добрый Самарянинъ. ц. 10 к.
185. Въ Крестѣ наше спасеніе. ц. 3 к.
186. Радуйтесь о Господѣ. ц. 3 к.
187. Спѣши ко Христу. ц. 2 к.
188. О перенесеніи обид. ц. 2 к.
189. Христофоръ Колумбъ. ц. 20 к.
190. Исторія капли воды. ц. 10 к.
191. Краткій духовный алфавитъ. ц. 5 к.
192. Взывай ко Господу. ц. 2 к.
193. О четырехъ путяхъ, ведущихъ къ сохраненію мира, ц. 2 к.
194. Робертъ Фультонъ, ц. 15 к.
195. Праздникъ Рождество Христово, ц. 10 к.
196. Бодрствуй и молись, ц. 3 к.
197. Іудейскія сутки, ц. 3 к.
198. Исполинскія руки, ц. 10 к.
199. Давидъ Ливингстонъ, ц. 25 к.
201. Книжка для дѣтскаго чтенія, ц. 10 к.
202. Разсказы о русскихъ самоучкахъ. Изд. 2-е, ц. 15 к.
203. Извлеченія изъ пѣснопѣнія на Рождество Христово, ц. 2 к.
204. Пріидите и поклонимся Святому Кресту, ц. 2 к.
205. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, ц. 2 к.
206. О смиренной покорности, ц. 2 к.
207. Іосифъ Гайднъ, ц. 15 к.
208. Толкованіе на притчу о Мытарѣ и Фарисеѣ, ц. 10 к.
209. О покаяніи, ц. 6 к.
210. День представл. праведной Іуліаніи Лазаревской, ц. 3 к.
211. Маша. Изд. 3-е, ц. 5 к.
212. Князь Серебряный. Повѣсть. ц. 40 к.
213. Серебряный стаканъ. Изд. 2-е, ц. 2 к.
214. Русскіе поэты, ц. 15 к.
215. Славянскіе поэты, ц. 15 к.
216. Нѣмецкіе поэты, ц. 15 к.
219. Поученіе о приготовленіи къ смертному часу. М. 1879 г. ц. 2 к.
220. О томъ, за что св. Іоаннъ былъ особенно любимъ Іисусомъ Христомъ. М. 1879 г. ц. 2 к.

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. № 307.

КОСТРОМСКОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ

ИВАНЪ СУСАНИНЪ,

КАКЪ ОНЪ ПОЛОЖИЛЪ ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ.

Сост. Дорогобужиновъ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Общества распространенія полезн. книгъ Моховая, д. Торлецкой.
1881.

Дозволено цензурою. Москва, 5 Августа 1881 года.

«... И положи его въ яслѣхъ: зане не бѣ имъ мѣста во обители».

Еванг. отъ Луки гл. 2. ст. 7.

«Больши сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Ев. отъ Іоанна гл. 15, ст. 13.

Къ исходу октября 1612 года Полякамъ, воевавшимъ съ нами изъ-за русскаго престола для королевича своего, Владислава, пришлось не въ моготу отсиживаться въ московскомъ Кремлѣ отъ соединенныхъ силъ Пожарскаго и князя Трубецкаго. Голодъ въ крѣпости дошелъ до людоѣдства. Чтобы избавить скудный запасъ пищи отъ безполезныхъ для обороны потребителей, Поляки выпустили изъ Кремля плѣнныхъ русскихъ женъ и дѣтей боярскихъ. Въ числѣ ихъ 22 октября вышла изъ плѣна въ городъ и великая инокиня Мароа (въ мірѣ Ксенія Ивановна Романова, супруга постриженнаго Борисомъ Годуновымъ въ одно съ нею время митрополита Филарета, бывшаго боярина Өеодора Ивановича Романова) съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ своимъ, Михаиломъ Өеодоровичемъ.

Все, чего насмотрѣлась страдалица въ голодающемъ Кремлѣ, все, чего наслышалась она и въ плѣну, и на Москвѣ, въ первые часы освобожденія, о неизбѣжномъ избраніи на царство сына ея,— все заставляло ее бѣжать изъ столицы, бѣжать какъ можно скорѣе, какъ можно далѣе, въ глушь, въ дебрь, съ цѣлью уберечь

отъ опасной чести избранія единственное дитя свое. А еще въ 1610 году московскіе люди, не хотѣвшіе чужеземца на тронѣ, желали въ цари Михаила Θеодоровича. «Никакой другой родъ въ Московскомъ Государствѣ», говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ, «не пользовался такою любовью и никто не заслужилъ ея болѣе, какъ родъ Романовыхъ. Въ народномъ чувствѣ не изглаживалась память добродѣтельной Анастасіи; помнили и любимца народа, Никиту Романовича, постояннаго и безстрашнаго заступника за мучениковъ передъ мучителемъ, Иваномъ Грознымъ. Свѣжи были въ народномъ воспоминаніи страданія его дѣтей при Годуновѣ, печальная смерть трехъ братьевъ въ изгнаніи, заточеніе Θеодора и его супруги. И народъ въ то время много пострадалъ: у него и сочувствіе обращалось къ такому роду, который также выпилъ горькую чашу, да еще безвинно. У русскаго народа съ Романовыми поэтому стала сердечная крѣпкая связь взаимныхъ страданій.

Хотѣли Михаила въ цари; но каково было матери его раздуматься о всемъ, что грозило предназначенному на престолъ въ эту страшную пору: крамола боярская за смутное время Московскаго Государства и росла, и крѣпла: измѣнили наслѣднику престола, Θеодору Годунову, и убили его; низложили царя Шуйскаго; служили изъ-за подачекъ и Тушинскому вору; не забывали и себя: сподвижникъ Заруцкаго, пожалованный тѣмъ же воромъ въ бояре, достойный вождь казачества, князь Трубецкой, избирался же въ цари на Земскомъ соборѣ, передъ избраніемъ Михаила, и какъ ни единодушно сказался народъ за выборъ послѣдняго, но были же голоса въ пользу князя Василія Голицына, въ пользу Воротынскаго. Страшны были изъ этихъ соискателей вѣнца Мономахова и Голицынъ—своимъ коварствомъ, и Трубецкой—своими, всюду бродячими, казачьими шайками

и способностью злодѣйствовать спокойно и хладнокровно; но далеко опаснѣе их для Михаила былъ четвертый претендентъ, королевичъ Владиславъ: отнимая у него престолъ русскій, юный Романовъ рисковалъ жизнью родителя своего, посланнаго еще въ 1610 году въ числѣ пословъ къ королю польскому и продержаннаго тамъ въ плѣну до 1619 года. Кромѣ того, одинъ изъ умнѣйшихъ людей Сигизмундова окруженія, коронный гетманъ польскій Жолкѣвскій, военачальствуя на Москвѣ, въ томъ же 1610 году, свидѣтельствовалъ передъ королемъ о единодушіи, съ которымъ земля желала въ цари Михаила Ѳеодоровича: такое вѣрное по достовѣрности свидѣтеля свѣдѣніе ясно указывало Сигизмунду, что единственно опаснымъ для сына его избранникомъ на русскій престолъ былъ молодой Романовъ: только устранить эту помѣху, только извести Михаила: онъ — послѣдній въ родѣ, замѣнить его некѣмъ,—и время уже выиграно, а съ нимъ и половина успѣха: зима пройдетъ на Москвѣ въ усобицѣ и рѣзнѣ между сторонниками остальныхъ бояръ—претендентовъ на царство; а съ открытіемъ весны, король, владѣя Смоленскомъ, стянетъ свѣжія силы, и Русь, какъ недавно Литва, станетъ, наконецъ, подъ высокую руку Польши.

Чтобы избыть бѣду, бѣдной матери нужно было надежно скрыть сына до времени, когда воцарится новый избранникъ. Но гдѣ скрыть? — Въ Романовскихъ вотчинахъ? Въ ближнихъ—опасно; дальнихъ же не знаетъ великая инокиня: не знаетъ и тамошнихъ людей, а безъ преданнаго пособника изъ мѣстныхъ жителей, съ колыбели знакомаго съ окрестностью, сына отъ польскихъ разъѣздовъ, отъ тайныхъ убійцъ не убережешь. Лучше—въ Костромѣ: тамъ—Ипатьевскій монастырь, обнесенный надежною каменною стѣною,—даръ Лжедимитрія Романовскому роду. Монастырь—на первое время,

а станетъ и тамъ небезопасно, — есть въ 70 верстахъ отъ Костромы село Домнино—родовое гнѣздо дворянъ Шестовыхъ, гдѣ родилась и росла сама великая инокиня, мѣсто глухое и захолустное: лѣсъ, да болото; даже и жителей нѣтъ при господской усадьбѣ, приказанной надежному старику, Ивану Сусанину. Этотъ, если понадобится, съумѣетъ сокрыть боярина.

И въ первыхъ дняхъ ноября еще старица Мароа съ сыномъ прибыла уже въ Кострому, гдѣ и остановилась сначала въ собственномъ домѣ, въ кремлѣ, близь Воздвиженскаго мужскаго монастыря, но откуда вскорѣ переѣхала въ Ипатьевскій монастырь, казавшійся ей убѣжищемъ болѣе надежнымъ. Къ ноябрю 1611 г. обитель уже поопправилась и пообстроилась послѣ пятимѣсячной осады ея въ 1609 году.

Но и здѣсь душевный покой матери не продлился долго: заходили между монахами тревожные слухи: въ лѣсу не спокойно, — а лѣсъ подступаетъ чуть не къ самой монастырской стѣнѣ: началось дѣло съ того, что два дня сряду лѣсникъ, возвращаясь съ обходу, находилъ выкраденнымъ изъ сторожки хлѣбъ, запасенный на нѣсколько дней, а вечеромъ во второй день покражи на дальнемъ лѣсосѣкѣ видѣлъ четырехъ польскихъ солдатъ, трехъ пѣшихъ, да одного верховаго; два же дня спустя пропалъ и самъ лѣсникъ: какъ въ воду канулъ. Подъ Михайловъ день служка монастырскій, ѣздившій съ двумя дроворубами поднять послѣднія дрова съ того же лѣсосѣка, вернулся въ монастырь уже только самъ другъ, въ разорванномъ платьѣ, съ товарищемъ жестоко искусаннымъ: напали-де злыя собаки, бывшія въ лѣсу съ цѣлою шайкою Поляковъ; а конныхъ и пѣшихъ наберется солдатъ и цѣлая сотня; одни травили монастырскихъ собаками, другіе отбивали, и изъ этихъ одинъ, пѣшій, разноглазый, съ порубленнымъ лицемъ, наказы-

валъ служкѣ, чтобы на завтра же вывезли къ лѣсосѣку 20 пудовъ хлѣба, а не вывезутъ,—будетъ и съ дроворубомъ тоже, что сталось съ лѣсникомъ; затѣмъ одного изъ крестьянъ взяли съ собою, съ другаго же стащили полушубокъ и отпустили вмѣстѣ со служкою.

Зашевелились въ монастырѣ: устроили ночные караулы; строго наказали сторожамъ и привратникамъ глядѣть, чтобы не оставалось бродячаго народу послѣ вечерень, ни по кельямъ, ни на дворахъ. Настоятель слезно молилъ воеводу снарядить ратныхъ людей въ обходъ по лѣсу, на что воевода отвѣчалъ, что искать Поляковъ въ сплошномъ на сотни верстъ лѣсу все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ.

А за вечерней подъ Іоанна Златоустаго служка, обиженный Поляками въ лѣсу, призналъ въ нищемъ, тѣснившимся къ выходу, разноглазаго поляка, вымогавшаго у монастыря хлѣба. Призналъ также его за монастырскими уже воротами и дроворубъ, возвращавшійся съ посада. Служка рванулся было въ погоню за нищимъ, но въ тѣснотѣ потерялъ его съ глазъ, а мужичекъ до того испугался встрѣчи, что даже и не крикнулъ.

Съ вѣстью о случившемся явился къ боярынѣ Сусанинъ, прибывшій наканунѣ изъ Домнина въ монастырь съ медомъ и вощинами. Дрогнуло сердце матери; ей стало понятнымъ,—кого высматривалъ переодѣтый лазутчикъ: сегодня — соглядатай, а завтра — убійца.

— Какъ же уберечь-то мнѣ отъ нихъ моего Михаила?

— Мнѣ отдай его, матушка боярыня, говорилъ Сусанинъ; въ Домнино отпусти его со мною: тамъ Божьею волею, да твоими молитвами уберегу его.

— Разстаться, мнѣ съ нимъ разстаться теперь, когда убійцы уже высмотрѣли единственное дитя мое? Да кто же убережетъ его такъ-то, какъ мать убережетъ, кто

собой отъ ножа заслонитъ? Да и не одна я тутъ: тутъ и монастырская братья, и городъ—рукой подать. А ты вѣдь одинъ: попритчилось на пути, хорони Богъ, что съ тобою, что съ нимъ-то тогда станется?

— Тѣмъ-то и опасно, матушка, что людно здѣсь больно: отъ лихаго человѣка середь народа не убережешься. Случись-ка бояринъ нынче за вечернею,—долго ли до грѣха? Тѣснится-то ворогъ впередъ будто свѣчку поставить, а подъ полою—ножъ.

— Не стану и въ церковь пускать, въ хоромахъ будемъ молиться, а обѣдню слушать можно ему и въ алтарѣ.

— А подожгутъ хоромы-то, матушка, такъ въ пожарной суматохѣ развѣ уцѣлѣетъ бояринъ? Нешто мало ихъ теперь на лѣсу-то шатается? Набѣгутъ, да и сдѣлаютъ, зачѣмъ посланы, прежде чѣмъ и выручка-то изъ города подоспѣетъ. Воля твоя, государыня, а, пока морозы польскую челядь изъ лѣса не вытравятъ, боярину здѣсь оставаться негоже.

— Ну, такъ и я съ вами: втроемъ поѣдемъ: все вынесу, а съ нимъ не разстанусь уже.

— Матушка боярыня, хорониться отъ ворога,—такъ одному хорониться; ужъ и вдвоемъ-то опасно; а втроемъ не схоронишься. Да по твоей женской немощи, государыня, и истомы-то путевой тебѣ не снести. По теперешней колоти, да безъ подставы, отсюда проѣхать до Домнина—мало мало день, да двѣ ночи. А, помилуй Богъ, пурга станетъ? тутъ одноконкомъ-то и вдвоемъ тяжело; а пароконная подвода—замѣтнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иванъ, и не говори! Господи! вразуми меня грѣшную!

И еще восемь дней прошло въ мукахъ раздумья для царственной матери: на что рѣшиться.

Въ день праздника Введенія во храмъ пришла изъ

Москвы отписка. Великой инокинѣ писали, что Сигизмундъ съ Владиславомъ хоть и вступили въ Московское государство на выручку полякамъ, осажденнымъ въ Кремлѣ; хотя и тронулись уже къ Волоку Ламскому отъ Погорѣлаго Городища, куда не впустилъ ихъ воевода, князь Шаховской; но что съ королемъ ратной силы не много, всего тысяча съ чѣмъ-то конниковъ, да Хоткевичъ съ тѣмъ, что уцѣлѣло изъ отбитой отъ Москвы дружины его; — что послѣ благодарственнаго молебна, отслуженнаго русскими въ Кремлѣ 25 октября по случаю освобожденія Москвы отъ Поляковъ, войско и народъ бодры успѣхомъ; что Волока королю не взять, какъ и Городища; что столица богата и людьми и запасами, что Владислава и знать не хотятъ, а быть царемъ на Руси Михаилу Романову; и что королю не сдобровать отъ голода и холода, если не уберется въ Польшу до зимы.

А поздняя зима 1612 года была уже не за горами: 21 ноября показалось и первое сало на Волгѣ. Того и смотри, станетъ рѣка Кострома и сообщеніе между монастыремъ и городомъ прекратится на нѣсколько дней, пока ледъ на рѣкѣ окрѣпнетъ для пѣшеходовъ.

Но погонятъ морозы Сигизмунда изъ Россіи — не удержаться отъ нихъ и шатунамъ его въ ипатьевскомъ лѣсу: безъ крова въ трескучій морозъ у костровъ не согрѣешься, да и кормовъ взять негдѣ: и теперь-то уже за послѣднюю недѣлю ипатьевскіе мужики убили въ два раза трехъ поляковъ, тащившихъ на разсвѣтѣ живность изъ крайнихъ задворковъ слободы. Убитыхъ обыскивали, но ничего писаннаго при нихъ не нашли. Еще недѣля, много — двѣ, и польскіе разъѣзды потянутся на соединеніе съ отступающимъ королемъ, или вымрутъ до одного отъ холода и голода.

«Да гдѣ-же мнѣ схоронить-то его отъ нихъ на эти

двѣ недѣли,» думала великая инокиня. Въ кремлевскій домъ развѣ опять переѣхать—все-таки дальше отъ лѣса; все же тамъ и снарядъ боевой, и людей ратныхъ много, да на осыпь-то и тынъ крѣпостной мало надежды. Вотъ ужъ четыре года прошло отъ Лисовскаго раззоренія, а все неудосужились еще поисправить оборону. Да и тынъ-то деревянный: помилуй Богъ, подожгутъ, какъ Иванъ говоритъ; во всемъ кремлѣ сплошь деревянная постройка: страшно! А всего пуще—воевода! Не вѣрю я князю Роману Гагарину. Богъ вѣсть, что у него на умѣ; чрезъ Василія Голицына и въ люди попалъ, за него и тянетъ, а наша бѣда имъ не горе. Вѣдь какъ вскинулся на меня, какъ просила я по пріѣздѣ усилить ночные по кремлю обходы, да стрѣльцовъ нарядить ко мнѣ во дворъ для сторожи! «Не монашеское, честная мать, дѣло въ наши бранные порядки мѣшаться. Да и смирно теперь, Богу слава, у насъ на Костромѣ. А стрѣльцовъ наряжать на лишнюю службу тоже—не дѣло: Михаилъ-то Ѳедоровичъ вѣдь не царь намъ еще пока. Опять же боязно вамъ здѣсь, что много гулящаго народа по улицамъ шатается, ступайте къ Ипатію, да тамъ и приказывайте; вашъ вѣдь монастырь-то.» И вправду, здѣсь бы понадежнѣе, еслибы не то, что лѣсъ подъ стѣной. Стѣна-то вѣдь каменная, снаружи не подожгутъ: пришлый народъ только за службами и бываетъ, а заперли церкви и ворота—кромѣ братіи и нѣтъ никого. Отецъ архимандритъ самъ за этимъ смотритъ. Этотъ не то, что воевода: и Бога боится, и чужою бѣдою болѣетъ кроткій старецъ Кириллъ. Да, онъ, да Иванъ еще: эти—за насъ, а изъ остальныхъ ни на кого положиться нельзя. «Ты насъ спаси, Богородице Дѣво: Ты бо еси божественный покровъ рабамъ твоимъ.»

Смеркалось, заблаговѣстили къ вечернѣ, и народъ тянулся въ монастырь, когда въ сторожевую избу, про-

дрогшій и обезсиленный, вошелъ дроворубъ, взятый поляками въ лѣсу 7-го ноября: ему удалось бѣжать отъ своихъ мучителей на выкраденной у нихъ лошади. Гналъ онъ на ней съ разсвѣта и только версты за двѣ отъ монастыря слабая отъ безкормицы лошадь пала въ лѣсу, а онъ добрелъ уже пѣшій. Дали ему водки и накормили его, но на всѣ вопросы сторожей и сбѣжавшихся служекъ онъ ничего не отвѣчалъ и только просилъ вызвать немедля изъ церкви отца архимандрита. Доложили, и старецъ Кириллъ, переговоривъ наединѣ съ мужичкомъ, тотчасъ же пришелъ къ великой инокинѣ, только что вернувшейся отъ вечерни. Передалъ онъ ей недобрыя вѣсти: да, разбойничья польская шайка въ лѣсу съ тѣмъ и прислана, чтобы извести боярина Михаила. Дроворубъ говорилъ со словъ четырехъ казаковъ, находящихся въ шайкѣ и имъ подслушанныхъ. Всего народа будетъ въ шайкѣ человѣкъ шестьдесятъ, и всѣ верховые; съ ними восемь собакъ ищеекъ, и собаки еще страшнѣе чѣмъ люди: лѣсникъ было тоже убѣжалъ отъ поляковъ, да спрятался въ болотѣ, чтобы отлежаться до ночи, такъ собаки тотчасъ же выслѣдили его, а поляки зарубили до смерти. Тоже было бы и съ дроворубомъ, еслибы сбѣжалъ онъ пѣшій, а не верхомъ. Денегъ у разбойниковъ нѣтъ: король, говорятъ, хоть и отпустилъ задаточныхъ по пяти золотыхъ на брата, да все пропили уже, а сдѣлаютъ свое дѣло — каждому еще по 30 дукатовъ отпуститъ. Кормовъ же совсѣмъ нѣтъ: что набьютъ въ лѣсу, тѣмъ и живы. Вчерашняго мороза такъ они испугались, что пятеро еще съ вечера бѣжали изъ табора. Теплой одежи тоже между ними немного: только у костровъ и грѣются. Какъ пятеро сбѣжали, загомонили и остальные: долго ли намъ тутъ мерзнуть-то: дѣлать дѣло, такъ теперь же дѣлать, а затрещатъ морозы, такъ отъ нихъ-то ужъ поздно бу-

детъ бѣжать. На томъ и порѣшили, чтобы, выждавъ рѣкостава, когда сообщеніе съ городомъ на монастырскомъ перевозѣ пріостановится, сдѣлать послѣднюю попытку: выжечь монастырь, зачавъ съ деревяннаго тына, которымъ обнесены деревянныя же сушила, сѣновалы, огуменникъ, денники, да конюшни, прилегающіе къ тому мѣсту каменной ограды, гдѣ съ другой стороны боярскія хоромы съ деревянною же вплоть къ самой стѣнѣ крышею и верхъ крыши выше каменной стѣны. «А занялись хоромы, тутъ уже бояринъ самъ къ намъ выйдетъ,» шутили казаки.

Отъ старицы архимандритъ поѣхалъ въ городъ: просить у воеводы подмоги на монастырскіе корма, а великая инокиня послала за Сусанинымъ и передала ему съ глазу на глазъ разсказъ отца Кирилла.

«Такъ съ первыхъ морозовъ и ждать краснаго пѣтуха,» говорилъ Сусанинъ. «Значитъ не сегодня—завтра, а для чегожъ и не сегодня. На дворѣ вызвѣздило, да и нашего бѣглеца поляки ужъ вѣрно хватились. Убѣжалъ—такъ кромѣ Ипатьевскаго бѣжать ему некуда, и поразскажетъ тамъ, чего отъ пьяныхъ казаковъ наслушался. Ждать-то и имъ теперь тоже нѣкогда..... Того смотри перевозъ снимутъ: благо еще отецъ архимандритъ на той сторонѣ. Матушка боярыня, благослови Михаила Ѳедоровича въ эту же ночь ѣхать со мною въ Домнино,—твои матернія молитвы дойдутъ до Бога: сохранитъ насъ Царь Небесный; а станетъ зима, да пройдетъ бѣда, первопуткомъ же самъ сюда къ тебѣ боярина доставлю. Здѣсь же, или въ городѣ, все равно, ему бѣды не миновать: монастырь выжгутъ, а въ городѣ не то что въ кремлѣ, да и въ воеводской избѣ, отъ лихаго зелья ли, отъ ножа ли, ему не уберечься. И самъ-то ходитъ ночью Гагаринъ-то князь, да и бражниковъ около него много: наслушался я вволю на торгу,

да по кружаламъ, кого Гагаринскіе-то ладятъ въ цари. Такъ всякое лихо нашему боярину этому воронью въ радость. Чѣмъ промежь нихъ-то спасаться, легче Михаилу Ѳедоровичу въ монастырѣ горѣть. А сама, государыня, изволишь знать, тоже ли ему тутъ оставаться теперь, когда Божіимъ изволеніемъ извѣстилась ты, «яко хощетъ Иродъ искати отрочати, да погубитъ е».

— Договаривай же, Иванъ, слова Писанія: «онъ же воставъ, поятъ отроча и *матерь* его нощію, и отыде». Когда сыну смертью грозятъ, мѣсто матери—передъ сыномъ. Въ Костромѣ намъ нельзя оставаться. Пресвятая Дѣва съ Божественнымъ Младенцемъ бѣжала отъ убійцъ изъ города въ пустыню и тѣмъ спасла жизнь нашего Искупителя; а Марія Нагая не могла укрыться съ сыномъ изъ его стольнаго города, Углича, и царевича зарѣзали клевреты Борисовы, не смотря на материнскій уходъ и на цѣлый дворъ стольниковъ, стряпчихъ, стрѣльцовъ. Ѣдемъ, сейчасъ же ѣдемъ въ Домнино, закладывай лошадь, я здѣсь соберу его.... И несчастная матъ, осиленная страхомъ, пала на кровать въ судорожныхъ рыданіяхъ. Кликнувъ келейницъ и предувѣдомивъ о случившемся молодаго боярина, Сусанинъ бросился къ отцу архимандриту. Старецъ Кириллъ направился въ кельи великой инокини, межъ тѣмъ какъ прикащикъ, вызвавъ боярина отъ матери, убѣдилъ его въ необходимости выѣхать изъ Костромы въ эту же ночь, какъ только заснутъ монастырскіе. Въ комнату, гдѣ говорили они, вошелъ архимандритъ.

— Что съ матушкою? спросилъ бояринъ.

— Въ жаръ было кинуло и бредъ показался: все про пожаръ изволила говорить; горяченькимъ напоили, да укрыли мѣхами: теперь будто, слава Богу, полегче; смолкла и забылась, какъ я выходилъ. *Возверзи на Господа печаль твою,* бояринъ, и Онъ, милосердый, упра-

витъ стопы твои. А о недугѣ родительницы не изволь сокрушаться. Въ кремлѣ и хуже было, да вѣдь спасла же васъ Пресвятая Заступница рода христіанскаго. Здѣсь же на молитвы и на уходъ не поскупимся: самъ знать изволишь, что не тебѣ одному, а и всѣмъ намъ она замѣсто матери. Какъ обладишь лошадь, Иванушко, приходи въ мои кельи: молебенъ-то напутственный думаю боярину отслужить; вмѣстѣ помолимся.—На томъ и порѣшили, чтобы, кромѣ няни, да ближнихъ келейницъ, никто въ монастырѣ и не зналъ бы объ отъѣздѣ боярина, а всѣмъ говорить: боленъ-де и матушка инокиня никого къ себѣ непускаетъ; а одѣться боярину въ крестьянское платье, и пока изъ города не выѣдутъ, лежать подъ войлоками: будто одинъ Сусанинъ ѣдетъ.

На дворѣ потеплѣло, и небо подернулось облаками. Время шло къ полуночи. Отслушавъ молебенъ путники съ архимандритомъ прошли къ великой инокинѣ за благословеніемъ. Мотросилъ снѣжокъ: «Дорожка, слава-те Господи, намъ подпадаетъ, бояринъ; а небудь этого снѣга, тяжело было бы буланкѣ и послѣ монастырскихъ кормовъ», говорилъ Сусанинъ.

— Что боярыня? спросилъ архимандритъ.

— Да все въ забытьи, батюшка; стонать не стонутъ, а закрывши глазки лежатъ, отвѣчала келейница.

Вошли въ опочивальню, освѣщенную только предобразными лампадами.

— Все-ли готово? послышался голосъ съ кровати.

— Пришли за материнскимъ благословеніемъ, государыня, отвѣчалъ Кириллъ.—Надумали мы боярина съ Иваномъ напередъ пустить: пусть въ городскомъ домѣ переночуютъ, да тебя дождутся. А съ разсвѣтомъ-то, какъ Господь дастъ, тебѣ полегчаетъ,—самъ къ нимъ тебя предоставлю. Втроемъ-то изъ монастыря выѣзжать боязно: на перевозѣ хоть и поздно, а безъ встрѣчнаго

народа нельзя: кабы не стало въ примѣту, что сани-то непорожнія: двухъ вѣдь укрыть не то, что одного. Да и тебѣ, матушка, въ дорогу-то съ силами надо собраться. Какъ изволишь отпустить боярина, опочи съ миромъ. А я до заутрени еще толконусь къ тебѣ, чтобы изъ города-то успѣть вамъ выбраться, пока не ободнѣло.

Сочла ли правдою несчастная мать слова архимандрита; предвидѣла ли горечь неизбѣжной за болѣзнью разлуки—Богу извѣстно; но она не противорѣчила.

Сложивъ руки на голову колѣнопреклоннаго у кровати сына, она молилась про себя. Въ тишинѣ кельи слышался только трескъ лампады, да шопотъ Кирилла, повторявшаго слова отпуска: *«и узриши благая Іерусалима.—Аминь,* промолвилъ Сусанинъ.

О полуночи были уже на перевозѣ. Снѣгъ падалъ хлопьями въ безвѣтренномъ воздухѣ; было облачно, тепло и темно; на городской сторонѣ слышались пѣсни запоздалаго въ кружалѣ народа.

— Въ Домнино, значитъ, Иванъ Васильевичъ, спрашивали перевозчики.

— Да, Михайлушко, погостевали у васъ, пора и до дому,—отвѣчалъ Сусанинъ.

— Что-жь поздно собрался?

— Бояринъ, вишь, занемогъ, такъ Марѳѣ-то Ивановнѣ отпустить было недосужно; а тутъ келейницы съ кладью провозились: теперь-то стали собирать, а до пѣтуховъ не привелось выбраться.

— Такъ вѣдь не въ городѣ ночевать же?

— Гдѣ въ городѣ! къ свѣту-то въ Потанинѣ надо быть: все же за ночь четверть путины, Господь дастъ, и сдѣлаю. Дорожка-то знатная подпадаетъ:—животинѣ легче.

У причала стояло человѣкъ пять народу, и слышалась пьяная молвь.

— Никакъ обратные, проговорилъ Михайло.—Да и нагрузились-же братецъ ты мой: праздновали, выходитъ; какъ бы изъ посудины-то въ воду не вывалились.

— Извѣстно, праздникъ, отозвались другіе перевозчики.

Подвинувъ лошадь къ самому засову, чтобы тотчасъ же тронутъ ее, какъ только кинутъ сходни, Сусанинъ сталъ у грядки, чтобы подхватить сани на подъемѣ и рысью подняться на крутой берегъ.

Сходни упали и, прежде чѣмъ пьяные успѣли ступить на нихъ, буланка подняла уже сани на бугоръ, сбивъ съ ногъ передняго саннымъ отводомъ.

— Что народъ давишь-то, лѣшій! чьи такіе?—кричали имъ вслѣдъ.

— Теперь ругайтесь вволю, молвилъ про себя Сусанинъ, вскочивъ въ сани на полной рыси.

Въ Потатинѣ прокормили до сумерекъ. Снѣгъ не унимался и дорога, чѣмъ дальше отъ Волги, становилась лучше. О полуночи опять покормили у знакомаго мужика; подморозило, и ко вторымъ пѣтухамъ, безъ встрѣчъ и приключеній, пріѣхали въ Домнино.

— Ну, буланка, сослужила ты свою службу, говорилъ Сусанинъ, опрастывая отъ ледяныхъ иголъ потную морду лошади; теперь сподоби Господи сослужить свою и раба Божьяго Ивана. А ну какъ на перевозѣ-то выболтаютъ, кого перевозили? Двое изъ пьяныхъ больно на казаковъ смахиваютъ, а можетъ и изъ Ляховъ шатуны-то: на томъ, что упалъ, одежа словно нерусская. Какъ бы погони не было! Ну да ладно: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Здѣсь-то не сыскать имъ боярина. Пуще всего собаки-то страшны, чтобы какъ чутьемъ не выслѣдили. Батюшка Михаилъ Ѳедоровичъ, пріѣхали; започивалъ. Отворить пока горницы. Въ хоромы пожалуй, бояринъ. Сейчасъ истоплю. Вишь, настыло-то

какъ. Да ставни закутать надо, чтобы съ надворья огня не заприметили.

Огонь затрещалъ. Передъ широкимъ устьемъ русской печи Сусанинъ разложилъ мѣха и войлоки, принесенные изъ саней, и принялся варить сбитень. — Водки бы пока выкушалъ, родимый, говорилъ старикъ, доставая графинъ изъ поставца: горница-то не вдругъ вѣдь согрѣется. Гдѣ постлать прикажешь, аль на лежанкѣ? теплѣе будетъ. Горяченькаго изволишь накушаться, да и ложись съ Богомъ; до свѣту еще далеко. А поспѣетъ сбитень, я къ зятю Богдашѣ побѣгу, благо буланка еще невыпряжена. Тутъ рукой подать до Деревнища-то; духомъ и вернусь. Антонидѣ сказать, чтобы обѣдъ-то варила; сюда и принесетъ. А тебя въ хоромахъ на замокъ запру, бояринъ, пока вернемся; ужъ не взыщи; еще и проснуться не изволишь, а мы съ дочерью ужъ тутъ.

— Гдѣ же спрятать боярина такъ, чтобы собаки-то ихъ людскаго духа не начуяли, думалъ Сусанинъ на пути къ зятю. Окромѣ тайника подъ коровьими яслями, лучше мѣста и ненадумаешь: тутъ не то что Ляхамъ, да и собачьимъ чутьемъ не найти: скотина-то пахнетъ сильнѣй человѣка. Какъ проклятые набѣгутъ, на первое время тутъ-то будетъ ладно. А застрянутъ здѣсь не на одинъ день, перемѣстить прійдется боярина: всю эту челядь-то въ лѣсъ отведу отъ усадьбы подальше; а пока вернемся, Богдаша, тѣмъ часомъ выкрадетъ нашего родимаго къ себѣ, въ Деревнище. Тайникъ-то и у него подъ овиномъ надежный; да опять какъ бы тѣ не начуяли? Развѣ овинъ-то сжечь? тогда середь гари не разнюхаютъ. Слава-те Господи, что умудряешь меня, слѣпца. Въ этомъ-то развѣ, какъ бы со мною что и попритчилось отъ изувѣровъ, — зятекъ тоже вѣдь душа христіанская, да и разумомъ его Богъ не обидѣлъ — зарокъ мой исполнитъ и боярина къ матушкѣ инокинѣ,

улучивъ часъ, какъ дорога-то до Костромы отъ нихъ поопростается,—доставить съумѣетъ не хуже меня. А загостятся Ляхи въ Домнинѣ, можно вѣдь и народъ поднять, чѣмъ терпѣть отъ ихъ воровства и грабежа. Пойдутъ и Исуповскіе и Деревнищенскіе и съ Перевоза: нѣшто нелюдно; только что развѣ ружейниковъ между ними мало, а съ косой, да рогатиной супротивъ ляшьихъ ружей и пистолей не навоюешь. И добро бы сила, а то и всего-то ихъ съ полсотни не наберется: съ дороги-то тоже по вчерашнему снѣгу не мало ихъ вѣрно разбѣжалось. А не собьемъ народу, постоимъ и въ одиночку за своего царя Михаила. Господь поможетъ. Наслѣдить развѣ по лѣсу, благо пороша теперь свѣжа, да и потеплѣло: будто на охотѣ бояринъ; пусть ищутъ: собаки-то по моему слѣду и въ Шачинскую зыбь сволочь эту заведутъ, а не закрѣпчаетъ морозъ, имъ оттуда не выбраться. Самъ заведу... а послѣ то что... Наровить развѣ ко Красной соснѣ, да тамъ черезъ Водышь кинуться? Только сдержалъ бы ледъ, а на томъ берегу сразу лѣсисто и тропка знакомая; тѣмъ и хороша, что погоня по ней невозможна: кто знаетъ— пройдетъ по пенькамъ, да по кочкамъ, съ Божьею помощью, а кому въ первой—чуть промахнулся ногою— и пропалъ: кругомъ бѣли да окна: вмигъ засосетъ. Ну, а не сдержитъ ледъ?.... На все воля Божья. Самъ сгину, да лишь бы злодѣевъ только перетопить. Когда-то еще морозы погонятъ отсюда Ляховъ, а перепрятывать боярина въ третій, да въ четвертый разъ не всегда и удастся. Такъ-то будетъ вѣрнѣе. Что-жъ? Крестьянская голова—не дорога, а та дорога, что всей Руси голова. Антонидушка у меня пристроена; самъ шестой десятокъ доживаю; такъ пусть же дѣти, да внуки поминаютъ, какъ расплатился «рабъ вѣрный» за господскую любовь, да за ласку. Внукъ покойнаго Ивана Васильевича чужой

нѣшто намъ? Ни отъ него, ни отъ стараго барина, Василья Михайловича, кромѣ хорошаго ничего мы не видали. Не на худомъ же стало быть дѣлѣ прійдется честную смерть принять; съ этимъ и къ Богу на глаза не страхъ показаться. Будь что Ему угодно, а ужъ живой въ руки поганымъ не дамся.

— Вишь досвѣтки справляютъ, проговорилъ Сусанинъ, завидѣвъ огонь въ Сабининской избѣ и слѣзая съ саней.

Порѣшили съ Богданомъ на томъ, чтобы кромѣ его, да Антониды ни одна живая душа не знала о пріѣздѣ боярина въ Домнино. Семену, брату Богданову, сказать, что какъ выѣзжалъ Сусанинъ изъ Костромы, былъ вѣрный слухъ, что польская шайка собирается въ Домнино искать боярина съ матерью инокенею,—и тотчасъ же отправить его на доброй лошади по костромской дорогѣ; пусть ѣдетъ шажкомъ, да развѣдываетъ, не показались ли гдѣ Ляхи; а не встрѣтитъ ихъ, пусть проѣдетъ и въ Ипатьевскій монастырь, и доложитъ боярынѣ, что Сусанинъ-де доставилъ кладь въ Домнино благополучно и самъ въ Кострому повернется скоро. Да въ монастырѣ Семену и дождаться Сусанина; а чуть встрѣтилъ Поляковъ, тотчасъ же летомъ назадъ въ Домнино, дать знать Сусанину, и тутъ ужъ пусть лошади не жалѣетъ: чтобы успѣть припрятать понадежнѣе боярское добро, пока Ляхи не набѣжали. Овинъ поджечь какъ отемнѣетъ, чтобы виднѣе былъ пожаръ окрестному люду: „не досмотрѣли-де: занялся отъ сушки хлѣба;“ а какъ стухнетъ, тайниковую дверь къ свѣту опростать отъ головѣшекъ и гари, да и тайникъ обладить какъ почище да потеплѣе. Богдану же, пока не покончатъ съ Поляками, дальше Домнина никуда не отлучаться, да смотрѣть въ оба глаза, когда способнѣе будетъ перемѣстить боярина изъ домнинскаго въ овинный тай-

никъ. А не вернется Сусанинъ изъ лѣса, куда сведетъ Ляховъ, не трогаться съ бояриномъ въ Кострому, пока доподлинно не узнаютъ, что съ ворогами подѣлалось и смирно ли на костромской дорогѣ. Если смирно—съ Богомъ, да и то не вдвоемъ, а собрать обозъ съ сѣномъ: на продажу-де въ Кострому, да къ обозу-то и пристроиться. Антонидѣ—ни слова про то, что Сусанинъ самъ заведетъ Поляковъ въ лѣсъ: сподобитъ Богъ вернуться—вмѣстѣ поблагодаримъ Его милосердаго; а нѣтъ—позже голосить начнетъ. Теперь же ей дѣло: дорогому гостю кушать варить, да носить, куда укажутъ.

Вернувшись въ Домнино съ зятемъ, дочерью и варевомъ, Сусанинъ наказалъ Антонидѣ быть при бояринѣ для послугъ неотступно, а Богдану—буланку къ корму поставить, подъясельный тайникъ почище убрать, да войлоками выслать, и затѣмъ идти жечь овинъ, самъ же, пообѣдавши, завалился на печь и до свѣта проспалъ мертвымъ сномъ.

А со свѣтомъ старикъ, надѣвъ зятевы валенки, пошелъ въ лѣсъ слѣды пролагать, приказавъ Богдану что дѣлать, на случай—Семенъ прибѣжитъ въ его отсутствіе. Въ поздніе обѣды вернулся Сусанинъ домой, высмотрѣвъ что надо и заполевавъ волка боярину на поклонъ.

— Не бывалъ Семенъ?

— Не бывалъ еще, батюшко, отвѣтилъ Сабининъ.

— И ладно; не кушалъ бояринъ?

— Тебя дожидается.

Осмотрѣвъ тайникъ и выходную изъ него дверь въ огородъ, старикъ пошелъ служить боярину за обѣдомъ.

Совсѣмъ уже смерклось, когда на взмыленной лошади влетѣлъ на дворъ Семенъ: Ляхи точно идутъ. Уже въ Богородскомъ ему говорили, что бражничаютъ ворогни въ Кузнецовѣ, а на полдорогѣ отъ Кузнецова зави-

дѣлъ и самъ ихъ; свернулъ въ лѣсъ и высмотрѣлъ какъ тянулись они по дорогѣ, всего пятьдесятъ верховыхъ и всѣ пьяные, еле на коняхъ держатся, а лошади худы и слабы, чуть ноги волокутъ, такъ что въ Домнино раньше какъ къ свѣту ждать ихъ нельзя.

— Зять, ступай за виномъ.

— Сколько, батюшка, взять-то прикажешь?—Восемь ведеръ возьми: вылокаютъ. Да барановъ четырехъ приколоть; нехристи, вѣдь имъ постъ святой — неуказъ. Хлѣба короваевъ съ десятокъ прихватилъ бы ужъ заодно отъ своихъ. Пусть угостятся Ляхи на своихъ на поминкахъ-то. Антонида, живо въ хоромы: барское добро въ тайникъ со мною таскать! Да лошадь-то, Семенъ, къ корму приставь, перехватитъ пока до полночи; и самъ соснулъ бы. А закричатъ пѣтухи—разбужу; опять по костромской дорогѣ поѣдешь: вороги въ Молвитинѣ какъ бы не заночевали; а тронутся изъ Молвитина, скачи сюда опять, чтобы здѣшнимъ до ихъ прихода успѣть попрятаться. Одинъ ихъ встрѣчу.

Былъ уже бѣлый день, когда прискакалъ Семенъ съ вѣстью, что выступили Ляхи изъ Молвитина.

— Сведи-же ты, паренекъ, лошадь домой, а самъ духомъ сюда пѣшкомъ ворочайся, да и стань у околицы, будто верею облаживаешь. Спросятъ тебя Ляхи про боярина, отвѣчай—не знаю; про меня спросятъ—отвѣчай: въ лѣсу;—гдѣ въ лѣсу?—Веди ихъ въ Коршуны: тамъ меня встрѣтите.

Расчетъ старика былъ вѣренъ: Коршуны—лѣсная пустошь въ полуторѣ версты отъ Домнина и въ полуверстѣ отъ Деревнища. Встрѣчая Поляковъ не въ усадьбѣ, онъ давалъ имъ возможность обыскать всѣ постройки ея и убѣдиться, что боярина дома нѣтъ; будь онъ дома, Сусанинъ де не оставилъ бы мѣста, гдѣ спрятанъ Михаихъ Ѳедоровичъ. Устроивъ боярина въ тай-

никѣ и отпустивъ Сабининыхъ въ Деревнище, старикъ оправилъ лампаду предъ образами, помолился, взялъ топоръ и ушелъ въ Коршуны, оставивъ незамкнутыми и боярскія хоромы, и приворотню, и скотный дворъ, а только приперевъ двери наружными задвижками, чтобы видно было пришельцамъ, что хозяева отлучились со двора, да не надолго.

Семенъ недолго прождалъ Поляковъ у околицы. Передній изъ казаковъ спросилъ его: гдѣ бояринъ?

— А кто его знаетъ.

— Сусанина давай сюда.

— Дома нѣтути; въ лѣсъ ушелъ.

— Веди во дворъ.

Вошли; люди разсыпались по постройкамъ, а старшій Полякъ съ двумя казаками привелъ Семена съ собою въ хоромы.

— Кто кромѣ тебя изъ людей еще есть въ домѣ?— Окромѣ меня и нѣтъ никого: дѣдушки Ивану одному усадьба приказана.

— Какой-такой Иванъ?

— Да-Иванъ—Сусанинъ-то и есть; такъ тотъ въ лѣсъ ушелъ.

— Куда въ лѣсъ?

— А въ Коршуны, дрова рубить.

— Самъ-то ты откуда?

— Деревнищенскій.

— Тутъ-то что дѣлаешь?

— А порядилъ дѣдушка околицу исправить.

— Околицу исправить, передразнилъ казакъ. Эхъ ты, несуразый! тихоня какой: ничего не знаетъ. Гдѣ бояринъ, говори! да смотри не ври, видишь это? кипятился казакъ, указывая на пистолетъ.

— Дляче врать-то? гдѣ же мнѣ знать про боярина,

коли я нетутошній: можетъ я и въ хоромы-то въ эти въ первой взошелъ.

— Толкуй по пятницамъ. Ѣсть давай, что у васъ тутъ наготовлено?

— Да вотъ-же те Богъ, дяденька, не знаю, гдѣ у нихъ что лежитъ. Кабы дѣдушка былъ, такъ про все вамъ отвѣтъ далъ бы.

— Проводишь въ Коршуны. Да не вздумай улизнуть: отъ пули неубѣжишь вѣдь, вражій сынъ, изъ горницы— ни нагой!

Все переискали и въ хоромахъ, и въ службахъ; нашли и постель, и бѣлье боярское, и тонкіе сапоги: видно что былъ, и недавно, а теперь-то гдѣ? Передъ полуднемъ, прихвативъ Семена, Ляхи тронулись въ Коршуны; стащили въ лѣсу полушубки съ трехъ крестьянъ, шедшихъ изъ Перевоза въ Деревнище; и по стуку топора, гулко отдававшагося въ холодномъ воздухѣ, набрели и на Сусанина.

— Во дѣдушка, указалъ Семенъ.

— Гдѣ бояринъ твой?

— А почто вамъ его.

— Самому скажемъ. Говори гдѣ онъ?

— За охотой пошелъ: вмѣстѣ и вышли утромъ, онъ съ ружьемъ, а я сюда. Должно къ обѣду вернется.

— Ну, разсказывай сказки-то. Не отговоришься; веди пока въ Домнино, да ѣсть давай.

Вернулись въ Домнино, обобравъ, изобидѣвъ и выпрягши лошадь у двухъ встрѣчныхъ высоковскихъ бабъ. Снова — поиски, стращанья, распросы; и люди, и собаки рыщутъ по всей усадьбѣ. Сусанинъ, собирая обѣдъ, порастворялъ и клѣти, и амбары, и огуменникъ; все переискали напрасно, заграбили изъ кладовыхъ два полушубка и еще что полегче, да поцѣннѣе, и усталые ввалились въ хоромы ѣсть и бражничать.

Сусанинъ угощалъ на диво, все вслухъ горюя, что бояринъ до сихъ поръ не бывалъ: «ужъ развѣ въ лѣсу не сказали ли, что за его милостью вы пріѣхали: можетъ испугаться изволилъ, да и прячется».

— Однако, панове шляхетство, говорилъ старшій рейтаръ, пить, да ума не пропивать: не за водкой пріѣхали. Нейдетъ къ намъ его милость, сами пойдемъ искать его по лѣсу. А старика на сворку, и пусть ведетъ назадъ въ Коршуны; оттуда и собакъ на слѣдъ набросимъ; тамъ говоритъ, разстались-то утромъ. Время не ждетъ, такъ чтобы въ лѣсу и не заночевать-то.

И пошатываясь, да наполнивъ фляги водкою, полупьяная толпа посадилась на-конь.

При въѣздѣ въ лѣсъ завидѣли ляхи дровни, запряженныя доброю лошадью, и при нихъ мальчика, да голодаевскаго мужика, таскавшаго дрова съ лѣсосѣка. Передніе мимо проѣхали, а двое заднихъ кинулись выпрягать лошадь; набѣжалъ мужикъ, сталъ лошадь отнимать. Одинъ изъ поляковъ вытянулъ его плетью, а мужикъ топоромъ разсѣкъ ему голову, да за то и самъ покатился съ прострѣленною головою. Лошадь съ дровнями, куда уложили раненаго, взяли вернувшіеся поляки; мальчикъ юркнулъ въ кусты.

— А чтобъ вамъ ни дна, ни покрыши, безмозглые! ужъ сказать, что безмозглые, ворчали казаки; чѣмъ бы одно свое дѣло тихо дѣлать, а они народъ губятъ, да бьютъ. И всего самихъ съ горсть осталось: поднимется мужичье-то, тогда уноси только ноги, да и дѣла не сдѣлавши. И мальчёнка-то пристрѣлить не сумѣли, пьяницы! тоже, разсказать вѣдь съумѣетъ, какъ тятьку забили. Волоки мертвеца въ кусты-то, чтобы хоть пока день на виду не валялся.

— Старикъ! окликнулъ казакъ, подъѣзжая къ Суса-

нину; чей такой малый въ Домнинѣ безъ тебя околицу облаживалъ?

— А зятя моего, братенекъ.

— И дочь жива?

— Жива, Христосъ съ ней.

— Гдѣ же живутъ-то зять съ дочерью?

— Да недалеко вонъ здѣсь въ Деревнищѣ, съ полверсты будетъ отсюдова.

Казакъ пошептался со старшимъ рейтаромъ и крикнулъ Сусанину: «къ зятю веди!»

Пришли и въ Деревнище. Здѣсь, также какъ и въ Домнинѣ, весь сабининскій дворъ обшарили; спускались и въ погребъ; лазили по клѣвамъ и закутамъ; побывали и въ огуменникѣ. Всюду водилъ ихъ Семенъ.

— А хозяева гдѣ? спрашивали казаки.

— Въ Исупово къ отцу Петру на имянины поѣхали: къ вечеру вернутся, должно.

— Веди назадъ въ Коршуны, крикнулъ казакъ, толкая Сусанина изъ воротъ. Поворотились и въ Коршуны, но скоро свернули съ дороги въ строевой лѣсъ, и Сусанинъ навелъ на слѣдъ. На первомъ мягкомъ и несхваченномъ еще послѣ вчерашняго морозомъ снѣгу слѣдъ человѣчій вдавливался ясно и отчетливо; путаннаго ничего не было; видна была одна пара ногъ; первые отъ дороги слѣды еще нѣсколько черноватые отъ дорожной на обуви грязи, а тамъ чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ чище и яснѣе очертаньемъ отъ затишья. Собаки понеслись по слѣду. Сталъ и Сусанинъ покликивать: «бояринъ, а бояринъ! Михаилъ Ѳедоровичъ! свои, озовись, родимый!» Часъ спустя, лѣсъ зарѣдѣлъ: спускались къ рѣкѣ Корбѣ; слѣдъ велъ глубокимъ и обширнымъ суходоломъ, по которому извивалась рѣка, подернутая уже тонкимъ льдомъ отъ недавняго мороза. На крутыхъ его окраинахъ, съ обѣихъ сторонъ воды, берега перерѣзы-

вались глубокими оврагами, заросшими дремучимъ лѣсомъ. Въ тихомъ и сыромъ воздухѣ слышался только топотъ лошадиный, да крикъ вороны, сорвавшейся съ ели и осыпавшей инеемъ проходящихъ. Собаки скучились и замахали хвостами; передній полякъ соскочилъ съ лошади и подбѣжалъ къ нимъ: на снѣгу было видно двѣ три капли крови и птичьи перья. «Должно рябца убилъ,» промолвилъ Сусанинъ. И снова далѣе, и конца нѣтъ лѣсу; и все онъ гуще, да гуще; все круче и чаще яры, и на спускахъ и подъёмахъ приходится сходить съ лошадей; а ужъ будто и вечерѣетъ. Еще съ полчаса хода и сквозь порѣдѣвшій лѣсъ завидѣли деревеньку.

— Что за деревня? спросилъ казакъ.

— Перевозомъ зовутъ, отвѣчалъ Сусанинъ.

Слѣдъ, не прерываясь, шелъ мимо задворковъ вдоль околицы деревни. Миновали и крайнія избы, нигдѣ ни огня, ни дыма, ни ребенка; даже у воротъ никакого звука, кромѣ собачьяго лая изъ подворотенъ.

— Вымерли здѣсь они, что-ли, ворчали казаки. Слѣдъ снова углубился въ лѣсъ, и собаки скрылись уже за первыми кустами, когда банда стала. Старшій рейтаръ переговорилъ что-то съ казаками, велѣлъ выкликнуть и сосворить собакъ и поворачивать въ деревню.

— Здѣсь мы съ тобою поговоримъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ Сусанину, сбивъ обухомъ первыя ворота деревни и вводя его въ избу, вслѣдъ за рейтаромъ и старшими шайки. Печь не остыла еще, и въ домѣ замѣтно было, образа и что поцѣннѣе куда-то убраны. Хозяевъ ни души. Ляхи разсыпались по деревнѣ и, натаскавъ живности, стали щипать и варить птицу на запылавшемъ огнѣ. А старшій рейтаръ совѣщался съ казаками, допрашивая Сусанина въ красной избѣ.

— Далеко-ли до Домнина?

— И версты не будетъ, отвѣчалъ Сусанинъ.

— Что врешь-то? пять часовъ шли лѣсомъ и одной версты не отошли?

— Шли, да кружили Корбою. Усадьба-то вонъ и отсюда видна.

— А какова дорога?

— Торная дорога, ничего, отозвался Сусанинъ.

Разсчитывая, что за пять часовъ отлучки изъ Домнина, бояринъ могъ и вернуться туда, если дѣйствительно былъ онъ на охотѣ; — или показаться изъ мѣста, гдѣ былъ сокрытъ, полагая, что поляки не вернутся уже, — совѣтомъ порѣшили—послать тотчасъ же въ Домнино разъѣздъ въ 10 человѣкъ съ казакомъ, на лошадяхъ какія посвѣжѣе, чтобы слетали на рысяхъ, тамъ все какъ утромъ обшарили бы и тѣмъ же слѣдомъ, не мѣшкая, возвратились бы въ Перевозъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ тронуться въ лѣсъ, какъ мѣсяцъ взойдетъ, или на ярославскую дорогу, если схватятъ боярина. А пока вернутся, поставить по два караульныхъ въ двухъ концахъ Перевоза.

Смеркалось и морозило, когда разъѣздъ выступилъ въ Домнино. Въ ясныя осеннія сумерки можно было прослѣдить изъ Перевоза, расположеннаго на горѣ, какъ вершники, спустившись въ долину Шачи и переѣхавъ гусемъ гать, на рысяхъ поднимались къ Домнинской усадьбѣ.

Но Богданъ не дремалъ; прослѣдивъ поляковъ до спуска къ Корбѣ и убѣдившись, что потянулись они къ Перевозу, черезъ что сообщеніе между Домнинымъ и Деревнищемъ стало безопасно, онъ тотчасъ-же вернулся къ санямъ, оставленнымъ съ Семеномъ, у торной дороги черезъ Коршуны, прискакалъ въ Домнино, вывелъ боярина въ крестьянской одеждѣ изъ тайника, завалилъ дверь сѣномъ и въ четверть часа перемѣстилъ его въ свой тайникъ подъ сожженымъ овиномъ.

А пока разъѣздъ ставилъ все вверхъ дномъ въ Домнинской усадьбѣ, Сусанину въ Перевозѣ жутко было отъ своихъ мучителей. Пробовали сначала лестью, посулами и подкупомъ вывѣдать отъ него—гдѣ бояринъ; но видя, что старикъ стоитъ на томъ же, какъ и сначала показывалъ: «былъ-де на охотѣ бояринъ, и съ охоты куда скрылся, Господь его вѣдаетъ:» принялись за истязанія: били нещадно долго и мученику святому приходилось не въ моготу, когда окна охватились заревомъ пожара. И судьи, и палачи кинулись на дворъ; но двое казаковъ не отступили отъ жертвы и шага: «и въ пеклѣ мы съ тобой не разстанемся,» глумились они. Въ окнахъ мелькнули возвратившіеся разъѣздные на красномъ фонѣ пожара. Столбомъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ пылала Домнинская усадьба, подожженная ляхами.

— Дьяволы, гремѣли у крыльца казаки, видно вамъ жизнь не мила, что пожаромъ накликаете на себя всю мужицкую сволочь.

— Люди не сыскали,—огонь найдетъ. Отъ него не схоронишься: дымъ тонокъ: и въ щели проберется, да задушитъ,—отвѣчали поляки.—Сѣдлайте, панове шляхта: до лѣсу пора.

И кинулись къ лошадямъ.

«Ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ,» шепталъ Сусанинъ, глядя въ окно на родное попелище.

— Снять караульныхъ, послышался голосъ старшаго рейтара; но и снимать ихъ было уже незачѣмъ: всѣ четверо сами ввалились на дворъ съ вѣстью, что и съ запада, и съ сѣверо-запада показались толпы крестьянъ.

«Всѣ на конь,» скомандовалъ рейтаръ, бросаясь въ избу. Пошептавшись съ казаками, онъ вернулся къ коновязамъ.

— Ну, старый чортъ, говорилъ одинъ изъ двухъ, подступая къ Сусанину, втроемъ поѣдемъ; въ лѣсъ вправо долиной Шачи веди. Бери кису-то; что сторонишься? въ ней пятьдесятъ дукатовъ. Считай теперь же; у насъ такъ по казачьему: безъ посула. Выведешь хоть кружно, да безъ встрѣчнаго народа на ярославскую дорогу, отпустимъ,—а вздумаешь бѣжать, али въ засаду, али въ отваль завести,—тебя перваго убьемъ, не промахнемся.»

— Послѣ: у насъ по русскому деньги берутъ, какъ заслужатъ,—отвѣчалъ Сусанинъ, натягивая полушубокъ на избитую спину.

На дворѣ уже слышался говоръ сближающейся толпы. Посадили и Сусанина на лошадь, причумбуривъ ее тонкой цѣпью къ двумъ казачьимъ лошадямъ.

«Гайда!» и на полныхъ рысяхъ ляхи спустились въ долину Шачи, при двойномъ свѣтѣ: и полнаго мѣсяца, и пожара.

Съ полчаса можно было ѣхать рысью, а дальше — тропина становилась уже, и уже, по мѣрѣ того, какъ углублялись въ лѣсъ; да и лошадямъ стало тяжелѣе отъ налипающей на капыта грязи. Въ воздухѣ замѣтно потеплѣло, по вершинамъ лѣса прошумѣлъ вѣтерокъ и бѣлыя облака стали набѣгать на мѣсяцъ. Голоса крестьянъ будто уже замерли вдали, и въ лѣсу, подъ тихую молвь мѣрно качающихся деревьевъ, не говорилось вслухъ даже и полякамъ.

«Видимо Господь помогаетъ, думалъ Сусанинъ, зналъ Богдаша какъ нашихъ направить: покажись они справа, а не слѣва, оттерли бы вороговъ отъ болота, а теперь ляхи сами на смерть идутъ. Богъ мнѣ — прибѣжище и сила.»

А лѣсъ все выше, да чаще и темнѣе, и мѣсяца не видать уже за сѣрыми тучами; рядомъ втроемъ ужъ и ѣхать нельзя, и оставшійся обокъ съ Сусанинымъ ка-

закъ опоясалъ цѣпью и его. Время къ полуночи; вѣтеръ упалъ, а съ нимъ притихли и послѣдніе голоса погони, и частые хлопья снѣга закружились въ воздухѣ. Свѣтъ крадется только справа, гдѣ лѣсъ рѣдѣетъ на спускѣ къ болоту; слѣва же темною стѣною встаетъ на сотни верстъ боръ, охваченный снизу непроходимою чащею мелкаго березника и елокъ. Что-то завыло впереди, и мелькнули въ темени два огненныхъ глаза; собаки насторожились, переднія лошади захрапѣли и стали.

«Волки,» проговорилъ Сусанинъ, трогая коня. Завидѣвъ много народу, звѣрь нырнулъ въ чащу, пока сотня такихъ же голосовъ стали отзываться ему по лѣсу: то смолкнутъ, то снова затянутъ; и вблизи, и вдали, жалобно, *нудно*, нойливо.

— А пора бы намъ, старина, и на ярославскую дорогу свертывать, говорилъ казакъ: погони-то не слыхать больше.

— Окромя какъ на Исупово отсюда не выберешься, отвѣчалъ Сусанинъ. Влѣво звѣрю развѣ пройдти, человѣкъ же и пѣшій застрянетъ, а вправо болото зыбко: и собаки не сдержатъ.

— А долго-ли до Исупова?

— Да кругомъ-то къ свѣту можетъ и дойдемъ.

— А не кругомъ?

— Значитъ на Митюрёво? Тутъ дороги съ часъ мѣста будетъ, небольше, да трясина грозна; въ морозъ ходятъ, а по нынѣшней погодѣ лошадей перетопите, да и пѣшему съ непривычки не выбраться.

Снѣгъ не унимался, и за два часа его столько нападало, что задніе стали и приставать. Люди всѣ почти спѣшились; отъ скользившихъ на каждомъ шагу лошадей паръ валилъ клубомъ, и отряду пришлось останавливаться, поджидая отсталыхъ. Опять заморозило; мяг-

кіе и влажные хлопья снѣга смѣнились мелкимъ градомъ и изморозью; Сусанинъ поднялъ голову: облачныхъ очертаній ужъ не видно на горизонтѣ, весь онъ взялся одною бѣловатою пеленою.

«Эхъ, кабы задулъ!» думалось старику.

— Вишь голосятъ, проклятые, ворчалъ казакъ, обвязывая лицо платкомъ; но выли уже не волки, а лѣсныя вершины, волной заходившія подъ первымъ налётомъ вихря. Дошла до Бога молитва праведника:

«Творяй ангелы своя вѣтры,» шепнулъ Сусанинъ, осѣняя себя крестомъ.

— Что стали-то? кричалъ казакъ заднимъ, не гибнуть-же всѣмъ изъ-за васъ.

— Троихъ недосчитываются, отозвался другой, ѣхавшій замковымъ.

—Труби!

Мятель разыгрывалась, морозъ крѣпчалъ, и острая изморозь, гдѣ пооткрытѣе, какъ иглами, сѣкла лицо.

Пока подбирали отсталыхъ, рейтаръ и оба старшіе казака сошлись около Сусанина, совѣщаясь: что дѣлать.

Для ясности дальнѣйшаго разсказа, необходимо дать понятіе въ короткихъ словахъ о мѣстности болота, названнаго «Чистымъ,» по смерти Сусанина.

Начинаясь подъ деревнею Перевозомъ, идетъ оно верстъ на пять на востокъ вверхъ по р. Шачѣ, принимающей въ себя на половинѣ этого разстоянія два притока: съ сѣвера—Водышъ, съ юга—Пичежъ. Здѣсь болото отвѣтвляется на югъ, и русломъ Пичежа идетъ еще верстъ на пять. По обѣ стороны Шачи стелются сѣнокосные луга, образующіе непроходимое болото по мѣрѣ сближенія къ сѣверному подгорью, вплоть до того мѣста, гдѣ зимою бываетъ дорога съ сѣвера на югъ, къ селу Исупову.

Между этою-то дорогою и мѣстомъ, гдѣ въ Шачу

впадаютъ оба притока, издали видишь какъ-бы луга, но въ самомъ дѣлѣ они до того зыбки и топки, что владѣльцы, съ большою опасностію и только въ сухое лѣто, рѣшаются косить растущую тамъ осоку и мечутъ ее на высокіе подмостки; домой же свозить траву могутъ только во время морозовъ. Вѣковой лѣсъ сходитъ сѣвернымъ подгорьемъ къ самому болоту, образующему подъ лѣсомъ кочковатую площадь, усѣянную окнами (наполненная водою и заросшая осокою яма). Между этими кочками, противъ деревни Анферово, есть впрочемъ еле замѣтная болотная тропа на уголъ, образуемый впаденіемъ Водыша въ Шачу, и отъ этого угла, пошире и позамѣтнѣе, тропа на сѣверъ къ подгорной, обширной, пустой и продолговатой полянѣ, безъ травы, лѣса и кочекъ, образующей собою трясину невылазную: окраина поляны и есть послѣдняя грань, куда по сухолѣтью доходятъ косцы. Обманчивую поляну эту зовутъ въ народѣ «Бѣль,» и на ней, къ западу только, есть небольшой бугоръ съ высохшею сосною, называемой «Красною.» Пространство отъ зимней дороги въ Исупово до мѣста сліянія двухъ ручьевъ съ Шачею и есть именно та часть болота, которая именуется теперь «Чистымъ Болотомъ.»

Изъ соображенія мѣстности съ задуманнымъ Сусанинымъ планомъ гибели ляховъ видно, что хотѣлъ онъ ихъ вести анферовскою тропою на уголъ Шачи и Водыша, который при самомъ впаденіи хоть и приглубѣе, да берегомъ нѣсколько тверже, и здѣсь попытаться убѣжать отъ нихъ чрезъ ледъ на лѣвый берегъ ручья: четыре-пять шаговъ по льду и онъ спасенъ: если ледъ и сдержитъ его въ одиночку, то конечно не сдержитъ нѣсколько человѣкъ, какіе кинулись бы за нимъ разомъ по стремительности погони; эти и перетонутъ, а остальные забредутъ въ Бѣль, выбираясь къ Красной

Соснѣ, одинокой и потому замѣтной и въ мятель,—и къ свѣту замерзнуть въ трясинѣ.

Совѣщаясь, одни настаивали на томъ, чтобы разложить костры и у нихъ заночевать въ лѣсу, не рискуя спускомъ въ болото. Другіе возражали, что усилится мятель—всѣ и у костровъ перемерзнемъ,—а поспадетъ, такъ тѣми же кострами накличемъ на себя мужиковъ, осилить которыхъ намъ будетъ трудно, послѣ перваго залпа цѣлящихъ изъ темноты въ людей на свѣту; если и мало ружейниковъ между мужиками, зато народу у нихъ больше и не пьяны они, какъ всѣ почти поляки, грѣвшіеся за дорогу одною водкою. Какъ ни тяжелъ перевалъ черезъ болото къ Исупову, больше двухъ часовъ не пройдутъ-же; лежа у костровъ сонъ сморитъ отъ водки и холода, и могутъ замерзнуть, а на болотѣ, выгружая изъ трясины, то лошадь, то самъ себя, каждый предохранятся отъ спячки, и два часа хода, хоть и въ пургу, не обезсилятъ же людей до невозможности продолжать путь. Наконецъ морозъ, какъ ни страшенъ въ мятель, а схватилъ же болото настолько, что вмѣсто двухъ часовъ и въ часъ его перейти быть можетъ успѣютъ.

На послѣднемъ и порѣшили. До Чистаго Болота отрядъ добрался, не потерявъ даже и лошади; стерпима была изморозь и людямъ отъ лѣснаго затишья. Но морозъ все усиливался. Достигнувъ спуска въ болото противъ Анферова, ляхи приободрились: мятель на столько стихла, что иногда можно было разглядѣть и ранніе огни въ избахъ Исупова. „И всего-то рукой подать", ворчалъ казакъ, мѣряя глазомъ, бѣловатую мглу, отдѣлявшую ихъ отъ свѣта и спасенья. Спустились—еще лучше: сѣверный вѣтеръ, заслоняемый крутымъ и лѣсистымъ спускомъ, подъ горою былъ мало чувствителенъ. Бодро тронулся отрядъ въ болото, но съ пер-

выхъ же шаговъ всѣмъ почти пришлось спѣшиться. Лошадь Сусанина передали заднимъ, и старикъ, отщепивъ толстую вѣтку отъ подстойнаго дерева, сдѣлалъ себѣ изъ нея шестокъ для нащупыванія болотныхъ оконъ. Казакъ, ведя свою лошадь на долгомъ поводу, держалъ въ правой рукѣ вытянутую во всю длину цѣпь, охватывавшую Сусанина. Пошли кочки, и близь одной изъ нихъ лошадь казака оборвалась въ окно, потянувъ и его за собою, а цѣпь, захлеснувшись за пень, лопнула, оставивъ небольшой конецъ у пояса Сусанина. Вскочивъ на ноги у самаго окна, старикъ вытащилъ казака, а лошадь засосало твалью въ глазахъ обоихъ.

— Отдай поводья! кричалъ казакъ отряду, слѣдуя шагъ въ шагъ за Сусанинымъ по пнямъ и кочкамъ. И бѣдныя твари, пущенныя на волю, скользя, спотыкаясь и барахтаясь въ вязкой трясинѣ, тянулись за людьми, пока силъ хватало, и гибли въ окнахъ десятками. Поляки сначала пробовали подхватить подъ узды обрывавшуюся лошадь, но когда нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью за такую попытку, то остальные, снявъ съ вьюка что поцѣннѣе,—стали думать только о себѣ. Иные пристроивались за собаками, и этимъ было легче миновать окна, обходимыя умными животными съ непогрѣшимостью инстинкта. Другіе, обрываясь, хватались за кустъ, за пень, за хвостъ лошади.

А чѣмъ глубже въ болото, тѣмъ страшнѣе бушевала вьюга: морозныя иглы слѣпили глаза, кололи лицо и захватывали дыханіе. Ни у кого и духа уже недоставало вернуться въ лѣсъ, скрывшійся изъ глазъ за снѣжною пеленою; впереди—гибель, но люди и надежда на чью либо помощь, а сзади—одна гибель. Сквозь свистъ бури слышались только вопли утопавшихъ, да частая дробь изморози о ближайшую преграду, да ползучій звукъ снѣжныхъ вихрей, пылью осыпавшихся и

скользившихъ по гололедицѣ. Сусанинъ шелъ тихо впереди, сберегая силы для скачковъ съ кочки на кочку, опускаясь наземь передъ налетавшими буранными столпами и останавливаясь всякій разъ, когда дыханіе отъ усилія становилось одышкою. При каждой такой остановкѣ онъ теръ себѣ снѣгомъ лицо и руки, ловя глазами просвѣты вьюги: неопознается ли гдѣ Красная Сосна. Казакъ не отставалъ, держась за цѣпь лѣвою рукою, неся пистолетъ въ правомъ рукавѣ и прихватываясь правою же рукою за сучья и корни.

Съ часъ спустя отъ входа въ болото, замаячила во вьюжномъ туманѣ влѣво отъ переднихъ и Красная Сосна. Сусанинъ взялъ вправо; окна стали попадаться рѣже и грунтъ болота будто бы затвердѣлъ: подходили къ углу впаденія Водыша въ Шачу. Грунтъ тверже и тверже, вправо обозначились приrѣчные тростники и къ нимъ подъ угломъ—порядокъ надручейныхъ ветелъ, упиравшихся въ Шачу. Ближайшимъ къ передней парѣ оказались рейтаръ, да неотставшая и шагу отъ хозяина лошадь его, на которую тутъ же и взмостился онъ, приговаривая, что полѣсскому коню и московское болото не страхъ; за этимъ стали подтягиваться и остальные, всѣхъ набралось двадцать ляховъ, да пять лошадей, на которыхъ тутъ-же и посажались измученные всадники. Собаки уцѣлѣли до одной. Все прочее погибло въ болотѣ. Мятель продолжалась, но уже не съ прежнею силою. „Трогай!“ кричалъ казакъ, осиливая голосомъ бурю. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ съ Сусаниномъ стали подравниватся къ ветламъ.

Ловкимъ ударомъ шеста старикъ выбилъ цѣпь изъ казачей руки и нырнулъ въ кусты. Казакъ успѣлъ однако выстрѣлить по немъ, но промахнулся. Рейтаръ спустилъ курокъ въ упоръ скользнувшей фигурѣ, но замокшій пистолетъ осѣкся, и мигъ спустя за вётлами

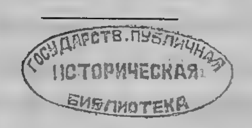
послышался трескъ угинающагося льда. Вслѣдъ за собаками, ляхи кинулись къ ручью, какъ одинъ человѣкъ; первыхъ двухъ Сусанинъ повалилъ дубиною, но остальные его осилили и изрубили мученика въ куски.

Къ утру мятель утихла и подъ вечеръ Сабининъ съ деревнищенскими крестьянами набрели сначала на поляковъ, замерзшихъ подъ Красною Сосною, прозванною съ той поры въ народѣ „проклятою", а затѣмъ на берегу Водыша, межъ двухъ вражьихъ труповъ, обрѣли тѣло и Ивана Сусанина, кровью своею украсившаго тронъ народолюбиваго Дома Романовыхъ.

Схоронили мужика подъ Домнинскою церковью, гдѣ въ первое время и пѣлись ежедневныя по немъ панихиды. Преданье говоритъ, что Бояринъ Михаилъ Ѳедоровичъ самъ складывалъ въ гробъ части изрубленнаго тѣла спасителя своего.

А въ первыхъ дняхъ декабря Сабининъ исполнилъ зарокъ тестя, возвративъ инокинѣ матери возлюбленнаго сына ея, воцарившагося въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ 14 марта 1613 года.

За смерть Сусанина воздалъ народу своему Императоръ Александръ II манифестомъ 19 февраля 1861 года. Теперь очередь воззданія—за народомъ.

221. Сказаніе объ Апостолѣ Ѳомѣ. М. 1879 г. ц. 3 к.
222. Разсказы изъ жизни св. Тихона Задонскаго. М. 1879 г. ц. 6 к.
223. Не случайность, а промыселъ. Разсказъ. М. 1879 г. ц. 3 к.
224. Дѣлатель золота. Повѣсть Цшокке. Изд. 4-е. М. 1879 г. ц. 25 к.
225. Какъ питается человѣкъ. Разсказъ. Изд. 3-е. М. 1879 г. ц. 10 к.
226. Императрица Всероссійская Екатерина Алексѣевна Вторая, Великая. Сост. Н. Трескинымъ. М. 1879 г. ц. 10 к.
227. Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій. Сост. Н. Трескинымъ. М. 1879 г. ц. 10 к.
228. Подвиги милосердія. Переводъ съ французск. Ляликовой. Изд. 4-е исправленное и дополненное, съ картинами. М. 1879 года, ц. 80 к.
229. Благочестивыя мысли и наставленія. Изд. 3-е. М. 1879 г. ц. 10 к.
230. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 1-й, съ 40 рисунками. М. 1879 г. ц. 90 к.
231. Не стыдись насмѣшекъ. Изд. 2-е, съ 5-ю рисунками. М. 1879 г. ц. 3 к.
232. Маленькій лѣнтяй. Изд. 2-е, съ 10-ю рисунками. М. 1879 г. ц. 2 к
233. Два гнѣзда. Съ 3-мя рисунками. Изд. 2-е. М. 1879 г. ц. 3 к.
234. Испанская собака и пудель. М. 1879 г. ц. 2 к.
235. Наши обязанности къ животнымъ. Со 100 рисунками. М. 1880 г. ц. 1 р. 20 к.
236. Океаны. Съ 10 рисунками. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 15 к.
237. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 2-й. Съ 75-ю рисунками. М. 880 г. ц. 50 к.
238. Русскіе Великіе Князья. Съ 23-мя портретами. М. 1880 г. ц. 25 к.
239. Пчелка, съ 70-ю рисунками. М. 1880 г. ц. 1 р. 50 к.
240. Нашъ Котъ Васька. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 3 к.
241. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Разсказъ изъ русской исторіи. Изд. 2-е М. 1880 г. ц. 40 к.
242. Краткій очеркъ перваго 25-лѣтія царствованія Императора Александра II. Съ портретомъ. Изд. 2-е М. 1880 г. ц. 10 к.
243. Подарокъ за прилежаніе и успѣхи. Съ 30 картинами. М. 1880 г. ц. 25 к. Тоже въ красивой папкѣ ц. 50 к.
244. Праздныя руки. Изд. 2-е М. 1880 г. ц. 1 к.
245. Русскіе поэты. Новый сборникъ. М. 1880 г. ц. 15 к.
246. Народная и дѣтская библіотека. Библіографическій журналъ за 1879 г. ц. 1 р.
247. Общедоступное чтеніе во время говѣнія. М. 1880 г. ц. 15 к.
248. Начальное чтеніе. Съ 200 картинами. М. 1880 г. ц. 30 к.
249. Какъ живетъ растеніе. Изд. 2-е. М. 1880 г. ц. 15 к.
250. Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. Изд. 3-е ц. 15 к.
251. Мыльные пузыри. Съ 10 рисунками. М. 1880 г. ц. 20 к.
Тоже въ красивой оберткѣ. ц. 30 к.
252. Заразныя и повальныя болѣзни. В. Попандопуло. ц. 10 к.
253. Званый вечеръ у Мими. Съ 4 хромолитогр. картин. ц. 35 к.
254. Петръ Великій. Издан. 3-е ц. 5 к.
255. Старый дворецкій. Изд. 3-е ц. 5 к.
256. Бѣлка и сурокъ ц. 10 к.
257. Въ родной землѣ и въ чужихъ краяхъ. Вып. 3-й ц. 50 к.
259. Избраніе въ цари Михаила Ѳедоровича Романова. ц. 15 к.
260. Подарокъ за прилежаніе и благонравіе. ц. 50 к.
261. Русскіе Великіе Князья и Цари, съ портретами, ц. 25 к.
262. Басни Эзопа съ картинами ц. 80 к.
263. Моимъ маленькимъ друзьямъ. ц. 1 р.

264. Пчелка. Вып. 2-й. Чтеніе для старшаго возраста. ц. 1 р. 60 к.
265. Очеркъ жизни Александра Сергѣевича Пушкина. ц. 20 к. Тоже 10 к.
266. Дѣтство Пушкина ц. 15 к.
267. Московскій Кремль. Соч. Толычевой. ц. 30 к.
268. Въ чужихъ краяхъ, вып. 4-й ц. 1 р. 50 к.
269. Двѣ были, одна сказка и небылица. ц. 30 к.
270. Мачиха. ц. 20 к.
271. Капитанъ Боппъ. ц. 5 к.
273. Докучливый Петя, ц. 2 к.
274. Гриша или любовь сестры, ц. 2 к.
275. Добрый пастухъ, ц. 2 к.
276. Перескащикъ, ц. 2 к.
277. Куликовская битва, ц. 10 к.
278. Чтеніе изъ исторіи среднихъ вѣковъ, ц. 75 к.
279. Время Великаго Князя Владиміра, ц. 25 к.
280. Чѣмъ питается человѣкъ, изданіе четвертое ц. 10 к.
281. Горячіе уголья, ц. 2 к.
282. Внучка, ц. 2 к.
283. О земной жизни Спасителя. ц. 30 к.
284. Любовь къ животнымъ, ц. 5 к.
285. Лапы и когти. ц. 80 к.
286. Великій Князь Ярославъ I, ц. 10 к.
287. Народныя пѣсни. ц. 10 к.
288. Царь Өеодоръ Іоанновичъ. Историческій разсказъ А. С. Хомякова. ц. 5 к.
289. Чудодѣи и мыло. Разсказы для крестьянскихъ дѣтей старшаго возраста. ц. 3 к.
290. Разсказы изъ дѣтской жизни. Съ картинками. ц. 1 р.
291. Будьте сострадательны. ц. 25 к.
292. Сонъ Лиды, птичка, изъ записокъ медвѣдя и пр. ц. 25 к.
293. Золотой гусь. ц. 2 к.
294. Царевна-лягушка. ц. 3 к.
295. Между дѣтьми. М. 1881 г. ц. 60 к.
296. Гадкій утенокъ, изд. 3-е, ц. 5 к.
297. Французскіе поэты, изд. 2-е, ц. 15 к.
298. Русскія сказки, ц. 15 к.
299. Царевна въ зелени, ц. 60 к.
300. Три медвѣдя, съ нѣмецкаго, ц. 10 к.
301. Сборникъ Англійскихъ поэтовъ ц. 15 к.
302. О молитвѣ Господней, ц. 15 к.
303. Псалмы въ стихахъ, ц. 15 к.
304. Очеркъ жизни Державина, 10 ц. к.
305. Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ ц. 15 к.
306. Избави, Боже, отъ грѣха и отъ недобраго человѣка, ц. 5 к.

При требованіи книгъ изданія Общества на 10 руб. дѣлается уступка 10%; на 25 руб.—20%; на 100 руб. и болѣе—25% съ пересылкою на счетъ покупателей.

Книжный Магазинъ Общества имѣетъ въ продажѣ всѣ учебныя народныя и дѣтскія книги другихъ издателей и высылаетъ оныя съ уступкою % скоро и аккуратно.

Требованія адресовать: въ Книжный магазинъ Общества распространенія полезныхъ книгъ. Москва, Петровка, въ проѣздѣ Петровскихъ торговыхъ линій.

Тамъ же принимаются заказы на всякаго рода типо-литографскія работы въ собственной типографіи Общества.

